

Н. Г. Юзефович
Хабаровск, Россия

И. Г. Игнатьева
Москва, Россия

«КРЕМЛЬ И НАРОД» ДЮРАНТИ В КОНТЕКСТЕ ДВУХ ЭПОХ

АННОТАЦИЯ. В контексте отражения происходивших в 1920—1930-х гг. в Советском Союзе событий в западной прессе характеризуется деятельность известного в то время журналиста, корреспондента газеты «Нью-Йорк таймс» Уолтера Дюранти. Западные советологи считают, что именно У. Дюранти придумал термин «сталинизм» для обозначения комплекса политико-экономических принципов, отличных от марксизма-ленинизма. В своих очерках У. Дюранти утверждал, что общество будущего действительно будет коммунистическим, оправдывал жестокости коллективизации необходимостью жертв во имя будущего, пытался приуменьшить масштабы охватившего страну голода, в особенности «голодомора» на Украине. За серию очерков о первой пятилетке У. Дюранти был удостоен Пулитцеровской премии. Из забвения журналиста вызвал скандал, случившийся в 2003 г., когда проходила кампания по лишению У. Дюранти высокой журналистской награды за искажение информации о голодоморе. В лингвостилистическом аспекте характеризуется книга Дюранти «Кремль и народ», которая трактуется как интерлингвокультурный текст, т. е. произведение, которое отражает представление автора-билингва об инолингвокультуре и объективируется через призму «иног» языка, адаптирующегося для актуализации «чужого» субстрата, культурно-специфических феноменов. Интерлингвокультурный текст, особенно историографического плана, во многом определяется как авторской картиной мира, индивидуальным восприятием описываемых событий, так и социально-политической ситуацией в мире и контактирующих лингвокультурах. Дюранти искусно имитирует непринужденную беседу с читателем, используя простой синтаксис, повторы на лексическом и синтаксическом уровнях. По жанру «Кремль и народ» является «историографией» макроисторического плана, т. е. отражающей воздействие политических вождей на социально-политическую ситуацию в стране и, в определенной степени, на мир в целом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: макроистория; интерлингвокультурный текст; фальсификация; сталинизм.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Юзефович Наталья Григорьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Тихоокеанский государственный университет; адрес: 680000, г. Хабаровск, ул. К. Маркса, 68; e-mail: nataliayuzefovich@rambler.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Игнатьева Ирина Геннадьевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка №1, МГИМО(У) — Московский государственный институт международных отношений; адрес: 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76; e-mail: irene_ignatieva@yahoo.com.

Имидж России начала XX в. на Западе

Революционные изменения 1917 г. в России не могли не вызвать огромного интереса практически всех государств, и, поскольку пресса была по сути главным источником информации в тот период, редакторы западных изданий стремились в числе первых рассказывать своим читателям о российской революции, «потрясшей» весь мир. Нужны были такие журналисты и писатели, которые не побоятся приехать в Россию и стать свидетелями «строительства новой жизни» и чей рассказ о новой российской идеологии, об изменениях в жизни русского народа будет ярким и убедительным. Интерес был взаимный: российские вожди, как В. И. Ленин, так и И. В. Сталин, были заинтересованы в том, чтобы на всех континентах узнали о событиях в нашей стране, но исключительно в позитивном ключе; при этом они желали подчеркнуть важность собственной роли. К приезду западных журналистов (если их репортажи соответствовали идеологии правительства) относились очень благосклонно.

Среди писателей, лично общавшихся с В. И. Лениным и проникших к нему большой симпатией, выделяются Герберт Уэллс и Джон Рид, чьи книги получили большую популярность в нашей стране в советский период. Западные журналисты и писатели, восхвалявшие политику В. И. Ленина, а затем и И. В. Сталина, долгое время воспринимались не только советским народом, но и многими западными читателями как преданные друзья СССР.

Следует подчеркнуть, однако, что искренность таких «преданных России» деятелей культуры нередко была наигранной, на что указывали зарубежные, а в постсоветский период — и отечественные исследователи. Одобрив политику молодого социалистического государства, а позднее и СССР, западные писатели, художники, журналисты, как указывает А. Бейчман, по сути, пропагандировали один из наиболее жестоких и кровавых режимов (*ruthless and bloody tyrannies*): «Б. Шоу, Г. Барбюсс, Сидни и Беатрис Уэбб, П. Пикассо, корреспонденты типа У. Дюранти одобряли все, что требовалось, создавая впечатление „надежности нового строя, способствуя доверительному отношению к одному из наиболее жестоких и кровавых режимов, когда-либо существовавших на земле“» («B. Shaw, H. Barbusse, Sidney and Beatrice Webbs, P. Picasso and very special correspondents like Duranty, all resolved, come to approve anything, however, to be able to preserve the confident expectation that “one of the most ruthless and bloody tyrannies ever to exist on earth could be relied on to”» [Beichman 2003]).

Мона Чарен в бестселлере «Полезные идиоты: о том, как либералы ничего не поняли во время холодной войны и все еще винят во всем Америку» (2003) рассказывает «об известных левых интеллектуалах, которые на протяжении 80 лет занимались обелением коммунистического режима» [Шлейс 2003]. Ее список сторонников социалистического государства открывает Б. Шоу, восхвалявший Советский Союз за то, что он

«сделал мир безопасным для честных людей» [цит. по: Шлейс 2003].

Правду об истинном отношении западных «друзей» к нашей стране мы смогли узнать только в постсоветский период, когда уже не требовалось «оглядываться на советскую идеологию» и политические журналисты, историки и прочие специалисты получили доступ к засекреченным ранее архивным документам. В прессе и в научных изданиях публиковались статьи, раскрывающие «дружбу за деньги». Как указывает М. Соколов, известные в мире деятели искусства и науки — П. Пикассо, Р. Гуттузо, П. Робсон, Н. Хикмет, Ф. Жолио-Кюри и др. — получали валютные гонорары (в золотых рублях): «Анри Барбюс получил 400 000 франков как бы для Амстердамского антифашистского конгресса левой интеллигенции и написал восторженную книгу о Сталине. Лион Фейхтвангер перед поездкой в СССР за сценарий по роману „Семья Оппенгейм“ получил от Главкино \$ 5000 (более \$ 100 000 по нынешнему курсу). В книге „Москва 1937“, как и надо было вождю, писатель оправдал Большие процессы, судилища над Каменевым и Зиновьевым, Пятаковым и Радеком. Фейхтвангер в точности по сталинской канве рассказал о заговоре предателей и террористов, сговорившихся с нацистами. После этого СССР выплатил ему за очередной киносценарий 35 000 франков» [Соколов 2014].

В советское время популярность в нашей стране получила историческая работа «Тайная война против Советской России» [Сейерс, Кан 1947], разоблачающая «заговор троцкистов». Следует особо отметить, что лингвисты не берутся делать какие-либо заключения о соответствии описания антитроцкистских процессов исторической правде. Учитывая, однако, год ее издания в переводе на русский язык (1947), логично предположить, что содержание, несомненно, было известно Сталину, без одобрения которого публикация такого рода была невозможна, т. е. в книге отражен официальный на тот момент взгляд на описываемые события.

Важно подчеркнуть, однако, что среди западных писателей и журналистов, представителей самых разных профессий, простых людей были и те, кто действительно искренне восхищался идеями советского коммунизма; именно они с неподдельным восторгом и симпатией рассказывали о нашем народе и нашей стране. Так, отечественные ученые отмечают публикации Луизы Брайант «Шесть месяцев в Красной России» (1918), Бесси Биттик «Красное сердце Петрограда» (1919), Альберта Р. Вильямса и др. [Будаев, Чудинов 2010: 28].

Анализируя зарубежную литературу о российской истории, в том числе о советско-германской войне, А. С. Якушевский выделяет ряд книг, написанных с уважением и симпатией к СССР и советскому народу. Например, *Mission to Moscow* («Миссия в Москву») Дж. Дэвиса (J. Davies), изданная в США в 1941 г. и ставшая бестселлером. Ее автор находился в СССР в качестве посла США во второй половине 30-х гг.; книга отличается «популярным изложением впечатлений автора о стране и доброжелательностью в отношении народа СССР. Дэвис отмечает энту-

зиазм и патриотизм советских людей и пишет, что руководители СССР, с которыми он не согласен по многим проблемам, были честными в своих убеждениях и целостными в устремлениях» [Якушевский 2014].

Немало граждан стран Европы, увлеченных идеями коммунизма, вступило в коммунистические партии, изъявляя при этом желание и готовность поехать в СССР, участвовать в созидании нового мира, что, как показывает исторический опыт, заканчивалось для них нередко печально. Так, по путевке Коминтерна в СССР приехал политолог и лингвист Жак Росси, известный сегодня как «француз из ГУЛАГа» («the Frenchman in the Gulag»). В семнадцать лет он вступил в коммунистическую партию, по заданию Коминтерна его отправили в Испанию, затем перевели в Москву, где он и был арестован «за шпионаж». Свой опыт выживания в Гулаге (1939—1969 гг.), условия жизни заключенных, их лексикон Ж. Росси обобщил в научном лингвистическом исследовании «Справочник по ГУЛАГу» [Rossi 1989].

В постсоветское время стало общеизвестно, что «тысячи иностранцев, принявших советское гражданство, сгинули в тюрьмах и лагерях»: так, в 1944 г. погиб в ГУЛАГе немецкий экспрессионист Эрих Борхерт, а французский общественный деятель Ив Фарж, получивший в 1953 г. Ленинскую премию мира, погиб в загадочной авткатастрофе в Грузии [Соколов 2014].

Основные факты творческой биографии Уолтера Дюранти

Широко известный в период Первой мировой войны как один из лучших военных репортеров Уолтер Дюранти (1884—1957; устоявшегося варианта передачи имени журналиста W. Duranty на русский язык не выявлено; встречается «Уолтер» и «Волтер»). В данном случае предпочтение отдано практической транскрипции имени, которая передает произношение имени и орфографию) выделился в качестве наиболее известного престоалинского журналиста в 1920—1930-е гг., несмотря на то что изначально не симпатизировал большевикам и считался антисоветчиком. «В 1921 г. замнаркома иностранных дел Максим Литвинов лично отказал ему в визе», и только после того как журналист опубликовал «несколько статей о гениальном замысле ленинского НЭПа, въезд в Советскую Россию был открыт» [Комарицын 2012].

Впервые У. Дюранти приехал в Россию в 1921 г., а в период с 1922 г. по 1934 г. являлся корреспондентом «Нью-Йорк таймс» в Москве.

Как подчеркивают западные советологи, именно он ввел термин «сталинизм», понимая его как «основы создания советской экономики под руководством И. Сталина»: «Доминирующим в России сегодня стал принцип сталинизма, а не марксизма-ленинизма», — писал У. Дюранти в «Нью-Йорк таймс» 14 июня 1931 г. («Duranty was one of the first journalists to identify correctly the changes that Joseph Stalin was making to the Soviet economy. On 14th June, 1931 Duranty argued in the *New York Times* that “the dominant principle in Russia today” was not “Marxism or Leninism” but “Stalinism”») [Beichman 2003]).

В англоязычной советологии «широкое распространение термина „сталинизм“ в академиче-

ских кругах относится к периоду 1950—1960-х гг. Однако определенные разногласия, связанные с его значением, сохраняются в англо-американских исследованиях и поныне» [Menjkovsky 2011].

Важно подчеркнуть, что отечественные ученые, как отмечается и в научных исследованиях советского периода, большую часть XX в. выделяли работы таких журналистов, чьи публикации соответствовали идеологии КПСС, что было обусловлено идеологией власти.

Лучшие публикации 20—30-х гг., по мнению В. В. Швецова, включают «После смерти Ленина» М. Истмена, «Железный век России» У. Чемберлена, «Я пишу, как мне нравится» У. Дюранти, «Люди и политика» Л. Фишера. Все названные авторы являлись советологами, «были в свое время журналистами, некоторые из них попытались дать развернутое описание внутривластной борьбы 1923—1927 гг., но наиболее удачны были их суждения и оценки отдельных ее аспектов. Так, говоря о сути конфликтов 20-х годов в большевистской партии, У. Дюранти писал: „В своей основе это была борьба за единство, стержень и сущность однопартийной системы. Но это также было столкновение противоположных групп и методов и, наконец, дуэль между двумя лидерами, Сталиным и Троцким... По мере развития конфликта личный элемент все более и более выпячивался...“ (Duranty Y. USSR. *The story of Soviet Russia*, 1944)» [Швецов 1990].

Очерки У. Дюранти и ряда других журналистов, которые утверждали, что коммунизм — это общество будущего, во многом способствовали тому, что период 1930-х стали называть «Красной декадой» (“Red Decade”). Считается, что термин ввел журналист Юджин Лайонс в книге, критикующей публикации У. Дюранти о Советском Союзе, *The Red Decade: The Stalinist Penetration of America* («Красная декада: Сталин проникает в Америку»): «Duranty now came under attack from a former colleague, Eugene Lyons. In his book, *The Red Decade: The Stalinist Penetration of America* (1941) Lyons criticized Duranty’s reporting on the Soviet Union» [Beichman 2003].

В 1932 г. за серию очерков о советской пятилетке У. Дюранти был удостоен престижной журналистской премии — Пулитцеровской. Он продолжает писать просталинские статьи, оправдывая жестокость коллективизации «необходимостью идти на жертвы ради нового строя». Во многих публикациях, критикующих журналиста, нередко в качестве доказательства его циничности приводят фразу «не разбив яиц, омлет не приготовить», что, как признает У. Дюранти, звучит жестоко, но является вынужденной мерой: «To put it brutally — you can’t make an omelette without breaking eggs» [W. Duranty. *New York Times*, 30 March, 1933; цит. по: Beichman 2003].

Процитированный выше очерк представляет собой полемику с Гаретом Джоунсом (Gareth Jones), который провел три недели в Советском Союзе, пешком обошел голодные деревни вблизи Харькова, разговаривал с изможденными от голода крестьянами, о чем и рассказывал в США. В отличие от него У. Дюранти, не отрицая тяжелого положения крестьян, не видел (или не хотел видеть?) катастрофичности сложившейся в стра-

не ситуации. Его статья, опубликованная в «Нью-Йорк таймс» 31 марта 1933 г., называется «Русские голодают, но от голода не умирают» (*Russians Hungry But Not Starving*).

Серьезное исследование журналистской деятельности У. Дюранти представлено С. Тейлор в книге под названием «Защитник Сталина. У. Дюранти — корреспондент „Нью-Йорк таймс“ в Москве» (S. J. Taylor. *Stalin’s Apologist: Walter Duranty: The New York Times’s Man in Moscow*. OUP, 1990). Анализируя его очерки, оправдывающие тяжелые последствия коллективизации и ликвидацию кулаков как класса, она не может не признать мастерское владение словом, отличающее стиль журналиста: «Героическая по форме и воодушевляющая проза У. Дюранти соответствовала значимости описываемых им событий. Энергетика его стиля принесла ему славу военного журналиста. Дюранти чувствовал, что интересно его читателям, что им хочется узнать» (“Duranty’s rousing prose, heroic in form to match the momentous events he was describing. The ebullience and energy of his style brought him growing fame as a page-one war correspondent... Duranty had this ability to figure out what readers would be curious about, what they wanted to know...”) [цит. по: Beichman 2003].

Именно понимание настроения читателей и писательский дар способствовали тому, что У. Дюранти создавал соответствующие ожидания читателей очерки. Именно в этом корни его успеха и популярности, именно поэтому его публикации выполняли не только информативную, но и регулятивную функцию в западном мире. В этом смысле журналистская риторика аналогична риторике политиков, в том числе высшего эшелона власти, дискурсу которых свойственны не только регулятивная и познавательная функции, но и «функция конструирования общественного мнения» [Гаврилова 2012: 17].

В начале настоящего тысячелетия У. Дюранти вновь оказался в центре внимания прессы, причем в исключительно негативном контексте. С мая 2003 г. по инициативе украинских националистов началась кампания по лишению У. Дюранти звания лауреата Пулитцеровской премии за преднамеренное искажение сведений о голоде на Украине в период, известный под названием «голодомор». С. Комарицын отмечает, что Дюранти, о деятельности которого «широкая публика Запада давно забыла, а российская никогда и не знала, превратился в главного фальсификатора истории и апологета Сталина на Западе» [Комарицын 2014]. Пулитцеровский совет отказался лишить его премии, поскольку она была присуждена за очерки о торговле, первой пятилетке и о Красной армии (14—27 июня 1931г.). При этом «вообще ничего не говорилось о голоде на Украине»; анализ «основывался в первую очередь на официальных источниках информации, и это стало причиной главного недостатка его позиции — постоянной недооценки жестокости Сталина» [Комарицын 2014].

Историческое исследование «Кремль и народ» (“The Kremlin and the People”)

В 1941 г. в США была издана историческая работа У. Дюранти «The Kremlin and the People»,

которую с большим интересом встретили читатели, а в 1942 г. эту книгу опубликовали в Лондоне, причем в течение года ее переиздавали дважды. Как отмечают отечественные историки, она написана с «симпатией к Советской стране и ее народу», однако тот факт, что «У. Дюранти оправдывал внутреннюю и внешнюю политику Советского Союза в предвоенные годы» [Якушевский 2014], в контексте современной политической ситуации воспринимается неоднозначно. Следует уточнить, что подход У. Дюранти соответствовал официальной риторике сталинского периода, которая подверглась критике после XX съезда и усилилась в период перестройки. Важно подчеркнуть при этом, что в настоящем десятилетии, напротив, наблюдается тенденция к восхвалению сталинских принципов руководства как отдельными политическими деятелями, так и простыми россиянами. Такие контрастные переходы во многом объясняются нестабильностью в обществе (сложной политической обстановкой, нерешаемыми экономическими проблемами, ухудшением жизни простого народа, его обнищанием).

С точки зрения лингвостилистического анализа тексты, написанные билингвами, в центре внимания которых выделяется освещение каких-либо событий одной лингвокультуры на языке другой, обладают своей спецификой. Автор-билингв находится на пересечении контактирующих лингвокультур, в зоне «между» — «интер» — лингвокультур, выступая при этом посредником в межкультурном общении, что позволяет назвать продуцируемое им словесное произведение интерлингвокультурным [Юзефович 2013: 147—176].

Под «интерлингвокультурным текстом» понимается произведение, которое отражает представление автора-билинга об инолингвокультуре и объективируется через призму «иного» языка, адаптирующегося для актуализации «чужого» субстрата, культурно-специфических феноменов. Создаваемый в интерлингвокультурном пространстве текст «связывает» контактирующие лингвокультуры в единое коммуникативное целое, сочетая в себе определенные качества каждой лингвокультуры. Наиболее ярко это проявляется на лексико-семантическом уровне. Естественно, что язык общения — в данном случае английский — вынужден подвергнуться определенной адаптации на когнитивном, лексико-семантическом и прагматическом уровнях, что необходимо для объективации русскоязычного мира. Интерлингвокультурный текст, особенно историографического плана, во многом определяется как авторской картиной мира, индивидуальным восприятием описываемых событий, так и социально-политической ситуацией в мире и контактирующих лингвокультурах.

Книга представляет собой документальное исследование, адресованное широкой западной аудитории времен Второй мировой войны. Стиль У. Дюранти с точки зрения современного читателя, особенно историка или политолога, может показаться упрощенным, но это далеко не так. У. Дюранти словно беседует с читателем, что и объясняет использование простого синтаксиса, повторов на лексическом и синтаксическом уровне. При этом выделяются и отдельные фрагмен-

ты, мысль в которых словно не успевает за ее письменной фиксацией; в таком случае предложение включает ряд придаточных предложений, что может затруднить понимание. Особую сложность для русскоязычного читателя представляет отсутствие определенных знаний о европейской истории, британских и американских прецедентных феноменах, несомненно известных западному англоязычному читателю того времени.

Журналистское мастерство У. Дюранти получило признание и среди простых читателей, и в профессиональной среде; он считался одним из лучших военных журналистов. Естественно, что работа в СССР в предвоенный период требовала от корреспондентов компромисса: все очерки должны были соответствовать официальной идеологии, поэтому, читая его работы сегодня, мы видим влияние советской пропаганды. Многие критики и политологи отмечали, что книга «Кремль и народ» в целом написана с симпатией к нашей стране; при этом авторская оценка политических событий не свободна от субъективности.

Наше первое знакомство с данным интерлингвокультурным произведением У. Дюранти на языке оригинала состоялось до активизации кампании по лишению ее автора Пулитцеровской премии 1932 г. Успеху книги у широкой читательской аудитории способствовала профессиональная компетентность У. Дюранти как политического журналиста: логичность и доступность изложения помогают установлению контакта с читателем. Важным фактором, способствующим созданию эффекта объективности и достоверности, является профессиональный билингвизм автора: владение русским языком на довольно высоком уровне помогало ему лично общаться с политическими деятелями, длительное время жить и работать в России. С первых страниц возникает эффект доверительного общения с читателем, которому импонирует и профессиональный опыт автора, полученный в должности корреспондента широко известного издания «Нью-Йорк таймс» (газета и журнал). Естественно, что британский журналист воспринимает русский народ достаточно субъективно, но в целом создается впечатление доброжелательности.

По жанру «Кремль и народ» является «историографией» макроисторического плана, т. е. отражающей воздействие политических вождей на социально-политическую ситуацию в стране и, в определенной степени, на мир в целом. Представляется важным подчеркнуть, что У. Дюранти, как и другие западные журналисты, находившиеся в СССР в тот период, вряд ли мог беспристрастно высказывать свое мнение. У. Дюранти опирался не только на свое личное впечатление о событиях, очевидцем которых он был, но и на официальную прессу на русском языке; причем его мнение во многом определялось как непосредственно личным опытом общения с И. В. Сталиным (довольно непродолжительным), так и советской цензурой.

Например, У. Дюранти избегает прямых номинаций для обозначения тех событий, оценка которых в западном политическом дискурсе отличается от их трактовки в советском политическом дискурсе. В ряде случаев автор эксплицирует западное восприятие, используя кавычки. Так,

говоря о том, что ряд территорий Польши, Белоруссии, Финляндии и Прибалтики вновь стали советскими, У. Дюранти использует термин, соответствующий политической конъюнктуре в СССР, но кавычками выражает собственный скептицизм: «The territory which the U.S.S.R. had “recuperated” in Poland and Bessarabia and the Baltic and South Finland...» [Duranty 1942: 20]. В данном случае кавычки маркируют западное восприятие так называемого «восстановления территорий».

Вероятно, историк не согласится полностью с трактовкой политических событий в СССР описанных периодов, но широкой читательской аудитории данная макроисториография в целом представляется достаточно объективной и достоверной. Объективности способствует категория авторитетности, реализуемая выдержками из интервью, цитатами известных политических деятелей. Прецедентные феномены актуализируются личными именами, наименованиями значимых исторических событий, датами. Следует учитывать и то, что на восприятие книги влияет индивидуальная картина мира читателя, его восприятие описываемых событий. Нельзя забывать и о том, что официальные трактовки событий ряда исторически значимых периодов в нашей стране неоднократно подвергались пересмотру.

По оглавлению книги можно получить представление не только о знаковых политических событиях описываемого периода (II; III; IV; V; VI; VII; IX; X), но и о культурологических аспектах (I; VIII):

- I. СССР: «почему так», «каковы причины» (The Whys and Wherefores of the U.S.S.R.)
- II. Убийство Кирова (Kirof's Murder).
- III. Процесс «Каменев — Зиновьев» (The Kamenev-Zinovief Trial).
- IV. Казнь «генералов» (The Execution of the “Generals”).
- V. Процесс над Бухариным и Ягодой (The Bukharin-Yagoda Trial).
- VI. Большая чистка (The Great Purge).
- VII. СССР и Мюнхен (The U.S.S.R. and Munich).
- VIII. Душа русского народа (The Hearts of the Russian People).
- IX. Период «нейтралитета» (The Period of “Neutrality”).
- X. СССР в войне (The U.S.S.R. at War) [Duranty 1942: 5].

Используя элементы количественного подсчета, мы выделили прецедентные имена и политические термины; очевидно, что основное внимание уделено Сталину. В историографии 41 045 слов, при этом имя Сталина встречается 136 раз, Ягоды — 88, Ленина — 82, Кирова — 52, Ежова — 19, Ворошилова — 17, Бухарина — 15, Молотова — 10, Буденного — 7, Тухачевского — 3. Ключевым термином, несомненно, является Purge («чистка») — 55 упоминаний.

Доверительность изложения подтверждается, например, признанием автора, что ему не удалось в полной мере познать и понять СССР и советский народ. С первых страниц читатель узнает, что ни хорошее знание русского языка, ни двадцатилетний опыт жизни в России, ни личные встречи со Сталиным, у которого журналист дважды брал интервью, не позволяют утверждать, что ему известно о России все: «I am supposed to

know about Russia, because I've been there twenty years and speak the language fluently and have interviewed Stalin twice, and ought to know about Russia. Well, I don't know all» [Duranty 1942: 7].

В подтверждение вышесказанного журналист приводит перевод фразы известного русского поэта (которую русскоязычный читатель, владеющий английским языком, несомненно, узнает), «Умом Россию не понять...»: «The Russians have a saying, “What man in his little head can compass mighty Russia?” I fear that saying is true» [Duranty 1942: 7].

Совет У. Дюранти «читать книги русских авторов, чтобы понять Россию» не потерял своей актуальности. Он выделяет переведенные на английский язык романы «Цемент» и «Тихий Дон», «Войну и мир» Толстого о Наполеоне, подчеркивая, что именно этот роман «сегодня воспринимается более точным, чем когда он был написан в 1864 г.: писатель отражает события столетидесятилетней давности, которые сегодня снова повторяются... Чехов и Достоевский расскажут вам о России больше, чем двадцать длиннейших книг», ср.:

«...you must read Russian books, like ... *Cement* and *Quiet Flows the Don*, which have been translated; or Tolstoy's *War and Peace*, about Napoleon, which is truer today, far truer, than when it was written, in 1864, and gives you a vision seen and depicted by an artist of something which happened a hundred and thirty years ago and is being repeated, miraculously...

I say Chekov and Dostoyevsky will teach you more about Russia than twenty long-winded books» [Duranty 1942: 7—8].

Интересно отметить, что, описывая противоречивый характер русского человека непосредственно на первых страницах, У. Дюранти отмечает противоречивость русского характера, выделяя не только негативные качества, но и хорошие. Важно отметить при этом, что перечисление характеристик начинается со слова положительной окраски «добрые» (*kind*), т. е. первое впечатление о русских, которое получает читатель, является позитивным: «Каждый русский человек — это все тот же русский: добрый и жестокий, гостеприимный и завистливый, подозрительный и доброжелательный, щедрый... Русские всегда останутся русскими, и замечательное в них именно то, что они — настолько русские, настолько схожие, несмотря на то, что в СССР 79 различных основных языков и сотни диалектов. Их действия схожи, они думают одинаково, что справедливо как для эмигрантов после свержения царизма, так и для большевиков, тех русских, кто остался дома» — «The Russians are always Russians, and the wonderful thing about them is that they are so Russian, so alike in character, although there are seventy-nine different major languages in the U.S.S.R., and hundreds of minor dialects. They act alike and think alike, and this goes for the Tsarist émigrés as it goes for the Bolsheviks at home» [Duranty 1942: 8].

Автор не видит разницы между русскими до-советского периода и «новыми русскими», под которыми он понимает большевиков, сторонников социалистического строя: «Новым русским очень не нравятся, когда им об этом говорят. Они думают, что они изменились... Но это не так. Они не

могут изменить себя, поскольку они формировались на протяжении веков, мы все формируемся, переживая предыдущий опыт. Сущность русских в том, что они сохранили детскую непосредственность; они молоды и полны энергии...» — «The new Russians hate to be told this. They think they have changed their spots... But they haven't. They cannot escape what life made them, the way they were molded by life, for centuries, as we all are molded by years. The basic fact about Russians is that they're a childish people, a young people, full of strength ...» [Duranty 1942: 8].

Объясняя цель опубликованного труда, У. Дюранти особо подчеркивает свою беспристрастность как репортера, который находится вне политических учений, которого «не интересуют „измы“ и „ологии“ (“isms” and “ologies”), ведь он «стремится найти правду и о ней рассказать»: «I don't care for their “isms” and “ologies,” I want only to find the truth and write it as best I can» [Duranty 1942: 12].

Историография, особенно макроисторического плана, как представляется, тесно связана с институциональным политическим дискурсом; политические деятели находятся в центре внимания автора: они «присутствуют» в виде цитирования, описаны их действия, поведение, например, на процессах 1937 г., где журналист лично находился. Происходящее на процессах не вызывало симпатии к России, тем более что период «красной декады» в США закончился, и У. Дюранти стремился не разочаровать западного читателя.

Как отмечают в «Тайной войне против Советской России» М. Сейерс и А. Кан, «истина о московских процессах не покидала архивов государственного департамента или блокнотов московских корреспондентов, которые разделяли сформулированное впоследствии Уолтером Дюранти мнение, что «американский читатель не хочет слышать о России ничего, кроме плохого» [Сейерс, Кан 1947].

Объясняя корни ленинского марксизма, журналист обращается к его вдове, и Н. К. Крупская рассказывает о казни любимого старшего брата Ленина и о мыслях В. И. Ленина, которому тогда было всего восемнадцать лет (и он еще не стал Лениным, а был Володей Ульяновым), по поводу причин этих событий. Невзирая на юный возраст, он смог осознать, что источник всех зол — это деньги, или, точнее, любовь к деньгам. Владимир Ильич Ульянов решил стать марксистом, прочитав книгу К. Маркса «Капитал»: «My husband loved his brother. He admired and loved him dearly. He was only eighteen when it happened, but old enough to think. ...And finally he thought that the source of it all was money, or rather love of money... He had read the book of Karl Marx called *Das Kapital*... And so, his widow told us, “Vladimir Ilyich Ulianof became a Marxist”» [Duranty 1942: 10—11].

Особую сложность при создании интерлингвокультурного текста представляет орфографическая адаптация при передаче инолингвокультурных номинаций с кириллицы на латиницу. В отличие от исторических сочинений, издаваемых во второй половине XX в. и в настоящем тысячелетии, в книге (что характерно для многих изда-

ний первой половины XX в.) автор не поясняет принципы перекодировки. Поскольку общепринятой системы передачи латиницы не существовало и не выработано по сей день, авторы, как правило, следуют распространенным тенденциям своего времени.

При написании русскоязычных имен латиницей У. Дюранти использует транскрибирование, передавая разговорное фонетическое звучание. Так, фамилии, оканчивающиеся на *-ев* или *-ов*, превращаются соответственно в фамилии на *-ef* и *-of* при написании их по-английски, отражая нормативное оглушение согласных в конце слова, свойственное русскому языку: *Andreyef, Kirof, Molotof, Ulianof* и т. д. Следует уточнить, что в современных источниках фамилия Молотов кодифицирована как *Molotov* [Longman dictionary 1998: 876].

В отличие от современных сочинений исторической тематики, автор не комментирует ключевые для изложения политические термины, в книге нет и глоссария, при этом не поясняется содержание таких политических терминов, как the “Trials” и the “Purge”, хотя они вводятся в текст уже на 19-й странице. Веской тому причиной является то, что западная пресса того времени уделяла большое внимание событиям в СССР, что позволяло рассчитывать на информированность читателя.

У. Дюранти известен как американский журналист британского происхождения, что отражается в определенной степени на его стиле. Например, пытаясь объяснить мировосприятие простого русского народа, который не сопротивлялся долгие годы несправедливости, он возвращается к исторически сложившей в стране ситуации, когда «верховной властью для всех был царь, что и предопределило смирение как одну из характерных черт русского народа. В России не было ни Великой хартии вольностей (ограничивающей королевскую власть), ни свободы слова и печати. Вся громадная страна работала на благо пяти процентов населения, которые получали все»: «There was no Magna Charta in Russia... no freedom of press or speech. ...The will of the Tsar was law... The whole vast country was run for the benefit of about 5 per cent of its population» [Duranty 1942: 8—9].

Интересно отметить, что и в современных исследованиях западных историков выделены аналогичные черты русского народа, что подтверждают работы Ш. Фицпатрик (Sh. Fitzpatrick) [см.: Юзефович 2014]. На первых страницах книги У. Дюранти неоднократно подчеркивает, что долгие годы царизма предопределили отсутствие желания изменить свою жизнь, сформировали смирение. Так, он проводит аналогию между рабскими условиями жизни русского народа и африканских рабов, творчески используя идиомы *change the spots*, буквально «изменить свои пятна», т. е. «избавиться от пятен, измениться», и *cast the skin*, буквально «сбросить кожу», метафорически используемую в том же значении. При этом автор называет *skin* «черной кожей эфиопа» (*cast their swart Ethiop skin*): «They (the new Russians) think they have changed their spots, or cast their swart Ethiop skin. But they haven't» [Duranty 1942: 8].

Идиоматика в книге способствует легкости и доступности для массового читателя. С одной стороны, в начале XX в. в англоязычном мире использование поговорок, крылатых слов более не считалось показателем эрудированности, маркером которой служили определенная вариативность при употреблении известных фраз. С другой стороны, книга написана как своего рода беседа с читателем, поэтому в целом, на первый взгляд, может показаться упрощенной, что, однако не совсем справедливо. Судя по интертекстуальным включениям, аллюзиям на известных военных деятелей, значимые события и пр., многие из которых требуют разъяснения для русскоязычного читателя, автор уверен, что его целевой аудитории все это доступно и понятно.

В книге рассказывается также об одном из очерков У. Дюранти, где проводится параллель между Иваном Грозным и И. В. Сталиным (the parallel between Ivan and Stalin), что крайне негативно восприняли американские коммунисты. Как утверждает автор, К. Радек, «один из друзей Сталина в тот период рассказал ему позднее, что Сталин прочитал этот очерк и остался им доволен»: "I implied, pretty clearly, the parallel between Ivan and Stalin, and a Communist sheet in New York screamed its head off... But Karl Radek, who then was still friends with Stalin, told me later that Stalin had read my piece and thought it rather good" [Duranty 1942: 18].

Интересно отметить, что сравнение текстов первого издания книги (Нью-Йорк, 1941; переиздано в 1942) и публикации в Лондоне (первое издание вышло в апреле 1942, второе также в апреле 1942 и третье — в мае 1942) также иллюстрирует журналистское мастерство Дюранти, его внимание к целевой аудитории. В американском издании используется больше американских прецедентных имен, в то время как в лондонское издание они не включены. Логично предположить, что причина этого в том, что автор предвидел возможные сложности в восприятии британской аудиторией значимости таких американских имен, как Джон Купер Уайли (John Cooper Wiley) или Чарльз Мерфи (Charles Murphy).

Так, американское издание открывается эпиграфом: «Моему другу, Джону Куперу Уайли, „самому талантливому из молодого поколения американских дипломатов“, который состоял на дипломатической службе в СССР и знает Европу лучше меня, при этом редко разделяет мое мнение, как об СССР, так и о Европе» — «To my friend, John Cooper Wiley, the „ablest of the younger American diplomats“ who has served in the U.S.S.R. and knows Europe better than I do, but seldom agrees with me about either» [Duranty 1942: 5].

В американском издании образ Сталина репрезентирован, например, через сопоставление его с известным американским политиком-демократом: «Он (Сталин) ...мастерски сохраняет спокойствие, как покойный лидер демократов Чарльз Мерфи из штаба партии „Таммани Холл“ в Нью-Йорке, которого, как мне кажется, Сталин чем-то напоминает» (Charles Francis Murphy, известный также как босс Мерфи (Boss Murphy) — лидер партии демократов США в Нью-Йорке; контролировал политическую организацию «Там-

мани Холл» (1902—1924 гг.), штаб Демократической партии США, управлявшей политической жизнью Нью-Йорка. Мерфи был серьезным, немногословным, но хитрым и проницательным человеком, политиком, который сумел изменить имидж организации на сугубо положительный и поднять ее влияние с местного на общенациональный уровень) — «He ... has learned to control his hotness and master it and keep cool, like the late Charles Murphy of Tammany Hall, New York, whom I think Stalin resembles» [Duranty 1942: 18].

Выше были рассмотрены главным образом первые страницы интерлингвокультурной историографии «Кремль и народ», перевод фрагментов которой опубликован в настоящем выпуске журнала. Надеемся, что удалось заинтересовать отечественного читателя, особенно историков и политологов, чтобы продолжить обсуждение как этой книги, так и западных советологических исследований об У. Дюранти, неординарном и неоднозначном журналисте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большая советская энциклопедия. 3-е изд. — М.: Большая сов. энцикл., 1998. (CD-ROM).
2. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Американская лингвистическая советология: начальный этап // Политическая лингвистика. 2010. № 2 (32) С. 26—31.
3. Гаврилова М. В. Некоторые черты речевого портрета первого президента России Б. Н. Ельцина // Политическая лингвистика. 2012. № 4. С. 17—22.
4. Комарицын С. Кремлёвский агент или полезный идиот? 2012. URL: <http://www.gornovosti.ru/> (дата обращения: 18.09.2014).
5. Ненароков А. П. Вступительное слово к русскому изданию // Карр Э. История Советской России. — М.: Прогресс, 1990. С. 9—14.
6. Сейерс М., Кан А. Тайная война против Советской России. — М.: ГИИЛ, 1947. URL: <http://militera.lib.ru/research/> (дата обращения: 11.04.2013).
7. Соколов М. О чем забыл Кремль, вручая паспорт Жерару Депардьё. URL: <http://m.forbes.ru/article.php?id=232793> (дата обращения: 10.11.2014).
8. Швецов В. В. Англо-американская немарксистская историография идейно-политической борьбы 1923—1927 гг. в коммунистической партии Советского Союза: автореф. ... канд. ист. наук. — М., 1990. URL: <http://www.dslib.net/> (дата обращения: 28.01.2012).
9. Шлейс Э. Образ врага. URL: <http://www.vedomosti.ru/> (дата обращения: 31.08.2014).
10. Энгельштейн Л. Повсюду «Культура»: о новейших интерпретациях русской истории XIX—XX веков. 2001. URL: <http://www.guelman.ru/slava/> (дата обращения: 10.11.2011).
11. Юзефович Н. Г. Интерлингвокультурная картина мира в английском языке вторичной культурной ориентации (на материале описания российской действительности) : моногр. — Хабаровск : Изд-во ДВГТУ, 2013.
12. Юзефович Н. Г. Идеологизированный субстрат номинаций «счастье» и «тоска» в России предвоенного периода в статье Шейлы Фицпатрик // Политическая лингвистика. 2014. Вып. 1(47). С. 278—282.
13. Якушевский А. С. Зарубежная литература о советско-германской войне. URL: <http://www.kosstu.kz/static/uploads.pdf> (дата обращения: 15.03.2014).
14. Beichman A. Pulitzer-Winning Lies. URL: <http://www.weeklystandard.com/> Jun 12, 2003. (дата обращения: 25.04.2011).
15. Duranty W. The Kremlin and the People. — L.: Hamish Hamilton, 1942.
16. Duranty W. The Kremlin and the People. — N. Y.: Reynal & Hitchcock, 1942.
17. Longman dictionary of English language and culture. — Longman, 1998.

18. Menjkovsky V. I., Barbara Ul. K., Cherkasov A. A. Soviet Union of 1930s in English-Language Historiography. URL: <http://www.erjournal.ru/> (дата обращения: 26.02.2014).

19. Rossi J. The Gulag Handbook. An English Dictionary of Soviet Penitentiary Institutions and Terms Related to the Forced Labor Camps. — N. Y., 1989.

I. G. Ignat'eva

Moscow, Russia

N. G. Iuzefovich

Khabarovsk, Russia

“THE KREMLIN AND THE PEOPLE” THROUGH THE LENS OF TWO EPOCHS

ABSTRACT. *The article characterizes the activity of a well known reporter of the New York Times Walter Duranty in the context of the events of 1920—1930 in the Soviet Union. Western sovietologists believe that it was Walter Duranty who invented the term “Stalinism” to designate a complex of politico-economic principles differing from those of Marxism-Leninism. In his essays, Walter Duranty argued that the future society would be a communist one, justified the cruelty of collectivization by the inevitability of victims for the sake of the future and tried to diminish the scope of hunger in the country, especially “holodomor” in the Ukraine. For a series of articles about the first five-year plan he was awarded Pulitzer Prize. He became again much spoken about in connection with the scandal, which took place in 2003 when a campaign was launched to deprive him of the prize for distorting the facts of hunger in the Ukraine (Holodomor). The authors offer a linguistic characterization of the book by Walter Duranty *The Kremlin and the People*, which is treated as an inter-linguo-cultural text, i.e. as a work of fiction that reflects the impression of the author-bilingual about a different linguo-culture and is objectified through the prism of “another” language, adapted for the actualization of an “alien” substratum and culturally specific phenomena. An inter-linguo-cultural text is to a great extent formed both by the author’s worldview and individual perception of the described events, and by the socio-political world situation and contacting linguo-cultures. Walter Duranty skillfully imitates an informal talk with the reader using simple syntax and reiteration on the lexical and syntactical levels. By its genre, *The Kremlin and the People* is a historiography of a macro-historical scale, i.e. it reflects the impact of political leaders upon the socio-political situation in the country and, to a certain extent, in the world as a whole.*

KEYWORDS: macro-history; inter-linguo-cultural text; distorting reality; Stalinism.

ABOUT THE AUTHOR: Iuzefovich Natal'ya Grigor'evna, Doctor of Philology, Professor of Department of English Philology and Intercultural Communication, Pacific National University for the Humanities, Khabarovsk, Russia.

ABOUT THE AUTHOR: Ignat'eva Irina Gennad'evna, Doctor of Philology, Professor of Department of English # 1, Moscow State University of International Relations (MGIMO), Moscow, Russia.

REFERENCES

1. Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya. 3-e izd. — M. : Bol'shaya sov. entsikl., 1998. (CD-ROM).

2. Budaev E. V., Chudinov A. P. Amerikanskaya lingvisticheskaya sovetologiya: nachal'nyy etap // Politicheskaya lingvistika. 2010. № 2 (32) S. 26—31.

3. Gavrilova M. V. Nekotorye cherty rechevogo portreta pervogo prezidenta Rossii B. N. El'tsina // Politicheskaya lingvistika. 2012. № 4. S. 17—22.

4. Komaritsyn S. Kremlevskiy agent ili poleznyy idiot? 2012. URL: <http://www.gornovosti.ru/> (data obrashcheniya: 18.09.2014).

5. Nenarokov A. P. Vstupitel'noe slovo k russkomu izdaniyu // Karr E. Istoriya Sovetskoy Rossii. — M. : Progress, 1990. S. 9—14.

6. Seyers M., Kan A. Taynaya voyna protiv Sovetskoy Rossii. — M. : GIL, 1947. URL: <http://militera.lib.ru/research/> (data obrashcheniya: 11.04.2013).

7. Sokolov M. O chem zabyt Krem'l', vruchaya pasport Zheraru Depard'e. URL: <http://m.forbes.ru/article.php?id=232793> (data obrashcheniya: 10.11.2014).

8. Shvetsov V. V. Anglo-amerikanskaya nemarksisitskaya istoriografiya ideyno-politicheskoy bor'by 1923—1927 gg. v kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza: avtoref. ... kand. ist. nauk. — M., 1990. URL: <http://www.dslib.net/> (data obrashcheniya: 28.01.2012).

9. Shleys E. Obraz vruga. URL: <http://www.vedomosti.ru/> (data obrashcheniya: 31.08.2014).

10. Engel'shteyn L. Povsyudu «Kul'tura»: o noveyshikh interpretatsiyakh russkoy istorii XIX—XX vekov. 2001. URL: <http://www.guelman.ru/slava/> (data obrashcheniya: 10.11.2011).

11. Yuzefovich N. G. Interlingvokul'turnaya kartina mira v angliyskom yazyke vtorichnoy kul'turnoy orientatsii (na materiale opisaniya rossiyskoy deystvitel'nosti) : monogr. — Khabarovsk : Izd-vo DVGGU, 2013.

12. Yuzefovich N. G. Ideologizirovannyi substrat nominatsiy «schast'e» i «toska» v Rossii predvoennogo perioda v stat'e Sheyly Fitspatrik // Politicheskaya lingvistika. 2014. Vyp. 1(47). C. 278—282

13. Yakushevskiy A. S. Zarubezhnaya literatura o sovetsko-germanskoy voyne. URL: <http://www.kosstu.kz/static/uploads.pdf> (data obrashcheniya: 15.03.2014).

14. Duranty W. The Kremlin and the People. — L. : Hamish Hamilton, 1942.

15. Duranty W. The Kremlin and the People. — N. Y. : Reynal & Hitchcock, 1942.

16. Longman dictionary of English language and culture. — Longman, 1998.

17. Menjkovsky V. I., Barbara Ul. K., Cherkasov A. A. Soviet Union of 1930s in English-Language Historiography. URL: <http://www.erjournal.ru/> (дата обращения: 26.02.2014).

18. Rossi J. The Gulag Handbook. An English Dictionary of Soviet Penitentiary Institutions and Terms Related to the Forced Labor Camps. — N. Y., 1989.